

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА «ВЕЕРНОГО СДВИГА» ОКНА ДИСКУРСА В ИНФОРМАЦИОННО-КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ КАМПАНИИ

**Статья первая: «Окно дискурса» как комплексная технология
информационного спин-докторингового воздействия**

А.А. Романов, Л.А. Романова

В статье рассматривается «окно дискурса» как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия. Авторы приходят к выводу, что ведущая роль коммуникативно-информационного компонента в структуре общества обуславливается его опорой на реляционные свойства и «регулятивную сущность своих посланий, сообщений».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «вирусная» информация, информационная атака, коммуникативно-медийная технология «веерного сдвига», консциентальное воздействие, консциентальная кампания, ментальная репрезентация, «окно дискурса», паттерн, спин-докторинговая технология, технология информационного воздействия

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья первая: «Окно дискурса» как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 1–39. Режим доступа: www.tverlingua.ru

FUNCTIONAL SPECIFICITY OF THE "FAN SHIFT" OF THE WINDOW OF DISCOURSE IN THE INFORMATIVE AND CONSCIANTAL CAMPAIGN

The first article: "Window of discourse" as a complex technology of informative spin-doctoring impact

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The article deals with "the window of discourse" as a complex technology of informative spin-doctoring impact. The authors conclude that the leading role of the communicative and informative component in the structure of society is determined by reliance on relational properties and the "regulatory nature of their messages".

KEY WORDS: "virus" information, informative attack, communicative and media technology of "fan shift", consciant impact, consciant campaign, mental representation, "window of discourse", pattern, spin-doctoring technology, technology of informative impact

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A., Romanova L.A. Functional specificity of the "fan shift" of the window of discourse in the informative and consciant campaign. The first article: "Window of discourse" as a complex technology of informative spin-doctoring impact // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 3. P. 1–39. Access mode: www.tverlingua.ru

*Теперь история не происходит
по своему капризу, стихийно.
Она теперь делается сознательно,
можно сказать –
по заказу сильных мира сего.*

А. Зиновьев

*Создание нового содержания
и новых форм в сетях, которые
связывают сознания и их
коммуникативную среду, равносильно
переоснащению нашего разума.*

М. Кастельс

В работах, посвященных описанию регулятивного механизма распространения и внедрения «вирусных» или информационно преобладающих коммуникативно-конструктивных практик в медийное пространство, способных увеличивать потенциал информационного воздействия и доминирующего превосходства с целью изменения влияния в собственных интересах субъекта информационного доминирования, высказывается мысль о том, что высшей формой проявления *информационно-психологического давления* (под это общее название подводятся различные понятия, как то «*информационные войны*», «*психологические войны*», «*войны компроматов*», «*информационные противостояния*», «*информационные противоборства*», «*информационные и пропагандистские «дуэли»*, «*черный» PR* и т.п.), можно считать так называемую «*консциентальную войну*» (от лат. conscientia – сознание) как *согласованную* по целям, задачам, месту и времени *систему* информационно-пропагандистских *мероприятий*, нередко переходящих в разновидность пропагандистских «*дуэлей*» и различных информационно-

психологических акций или операций инициатора (бенефициара, заказчика), проводимых им в свою пользу с применением средств массовой информации. Подобные мероприятия и операции осуществляются инициатором или бенефициаром для того, чтобы сформировать и подготовить на противоположном (противоборствующем) информационном и территориальном пространстве противника соответствующие своим идеям, целям, задачам, а также месту и времени определенные источники и группы влияния (или группы проводников воздействующего влияния) с целью выработки восприятия массовым адресатом противника его окружающей реальности, культуры, искусства, истории, национальных ценностей и традиций в соответствии с заданными установками бенефициара.

Поэтому для выработки у массового адресата запланированного бенефициаром (инициатором) восприятия в свою пользу воздействующего инструмента в виде коммуникативно-информационных посланий и посредством его (инструмента) каузировать предложенные действия, поступки, акции и уличные манифестации, инициатору необходимо в течение определенного времени использовать по тщательно разработанным сценариям целый арсенал различных коммуникативных средств и технологий информационного воздействия на психическое состояние масс, на их чувства, мысли, поступки и систему принятия решений. К их числу можно отнести, например, “суггестивные”, “психотропные”, “психотронные”, “гибридные”, “дигитально-дипломатические”, “информационно-психологические” и иные другие техники и приёмы, которые со всей очевидностью и полным основанием создают (формируют) многопрофильную **комплексную технологию воздействия** на сознание получателя и направлены главным образом на разрушение существующих в рамках общества всевозможных связей, объединяющих людей (Романов, 2002; 2004; 2015; 2016; 2016а; 2016б; 2016в; 2017; 2017а; 2017б; Романов, Малышева, 2015; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2015а; Романов, Романова, 2015; 2017; Романов, Романова, Новоселова, 2015; 2016; Романов,

Черепанова, 1998; 1999; *см. также*: Алексеев, Алексеева, 2016; Караяни, 2003; Кастельс, 2004; 2016; Лайнбарджер, 1962; Литвиненко, 2000; Матвиенко, 2008; Основы, web; Почепцов, 1999; 2000; 2015; Рашкофф, 2003; Севрюгин, 1996; Сол, 2007; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; Clarke, Knake, 2010; Fiske, 1991; Grincheva, 2013; Information Dominance, 1994; Libicki, 1996, web; Libicki, 2007; Romanov, Romanova, 2014; 2017; Rona, web; Stein, web; Taylor, 2010 web).

Очевидно, что концентриальная «война» представляет собой комплексную форму воздействия на народные массы и государство в целом, которое (воздействие) осуществляется в пользу бенефициара с помощью так называемого *"концентриального оружия"* или *"оружия поражения сознания"*, охватывающего весь арсенал самых современных информационных технологий и психологических методов, приёмов и техник воздействия как на отдельную личность, так и на массы населения региона, страны, континента (ср.: Григорьев, 2008; Ершова, 2014; Зелинский, 2008; Кастельс, 2016; Кокошин, 2016; Матвиенко, 2008; Почепцов, 1999; 2000; 2015; Раскин, Пелек, 2005; Раскин, 2015; Расторгуев, 1999; Рашкофф, 2003; Романов, 2002; 2004; 2015; 2016; 2016а; 2016б; 2017; 2017а; Романов, Малышева, 2015; Романов, Романова, 2015; Сол, 2007; Тоффлер, 2004; Тоффлер Э., Тоффлер Х., 2005; Эппле, web; E-fluentials, web).

Проведение успешных и результирующих мероприятий, связанных с концентриальным воздействием, требует, по данным исследователей, учета целого ряда особенностей, среди которых можно выделить наиболее значимые, а именно:

– *формирование* «сетевого дигитального гипертекста» (т.е. совокупности имеющихся форм массовой коммуникации в цифровом, глобальном, мультимодальном и многоканальном гипертекстах), использующего любые разнонаправленные источники информационного воздействия и основанного на интерактивно связанных образцах «от каждого к каждому» для порождения общей культуры совместного производства

иногo коммуникативно-информационного контента и новых смыслов, которые могут потребляться массовым адресатом «дигитальной коммуникации» независимо от конкретного содержания (Романов, 2014; 2015; 2016; 2017; 2017a);

– *организация* глобального соприкосновения в инфосфере дигитальной интеракции между прививаемой (создаваемой или созданной «режиссерами», инициаторами, бенефициарами) коммуникационной системой и собственным ментальным конструированием получателя новых смыслов и новых моделей мира должна приводить к формированию коммуникативной многозадачности и многонаправленности новой формы коммуникации – «массовой самокоммуникации», в терминологии М. Кастельса (2016: 349), которая возникает уже как свободная коммуникация, способная равноправно конкурировать с государственными или корпоративными коммуникативными практиками, чтобы тем самым «умножать и диверсифицировать через технологии «дискурсивного окна» *точки входа в коммуникационный процесс* и размывать границы контроля и управления за ней» (Романов, 2016a; 2016б; Романов, Романова, 2015; 2017);

– *создание* и *интенсивное использование* информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и всевозможного интерентно-коммуникационного разнообразия сетей для поглощения времени адресата дигитальной коммуникации, которое несовместимо с точки зрения этих сетей с их видами деятельности;

– *ведение* информационно-психологического противоборства (войны), по преимуществу, на чужой территории, с пересечением любых границ и непосредственным «вирусным» проникновением информационных посланий в ментальное пространство (разум) противоборствующей стороны, то есть непосредственного противника;

– *реализация* информационно-психологических мероприятий не должна оставлять видимых следов, а должна быть рассчитана с учетом манипулятивного (скрытого) воздействия на объект, которому должна быть

навязана и «привита коммуникативная позиции ведомого» (Романов, 1991; 1995; 1995a);

– *выгодность и эффективность* для инициатора информационно-психологического противостояния по сравнению с ведением реальных боевых действий ввиду малозатратности, экономичности и оперативности реализуемых мероприятий, так как незначительный объем информации, вводимой с помощью спин-докторинговой технологии «веерного сдвига дискурсивного окна» в глобальное коммуникативное пространство, способен приводить к формированию нужного общественного мнения или к его переформатированию (Романов, 2002; 2015; 2016; 2016a; Romanov, Romanova, 2012; 2017; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015; Romanov, Malysheva, Romanova, 2017);

– *опора* информационно-психологического противоборства *на разнообразие* дискурсивных технологий, «мимикрирующих» (подстраивающихся) под конкретный объект коммуникативного воздействия с целенаправленными приемами, техниками и подходами для выработки вербо-логико-психо-логических «ловушек» сознания противника – от образования каскада «информационных меметико-регулятивных или вирусно-реплицирующих структур» (Романов, 2002; 2015), попадая под влияние которых, человек принимает решение действовать не на основании своего знания о получаемой информации, а на основании того, что такие действия делают другие (см.: Романов, 2002; 2004; 2016; 2016a; Романов, Романова, 2017; Канеман, 2013; Круг, 2008; Люттвак, 2012; Санстейн, 2016; Сёрль, 2004) до создания иной (конкурирующей) системы коммуникативных практик сетевой («свободной») массовой коммуникации или «самокоммуникации», по М. Кастельсу (2004; 2016), для воздействия на систему рассуждений человека относительно подаваемых ему через инфраструктуру СМИ тех или иных фактов, псевдофактов или симулякров в виде «фейкньюз», которые ввиду своей многозначности и семантической расплывчатости могут получать разные прочтения и интерпретации – вплоть

до диаметрально противоположных (Романов, 2002; 2015; 2017; Romanov, Romanova, 2017);

– *информационно-психологическое воздействие* в консциентальном противостоянии в принципе *всегда является целенаправленным и «срежиссированным»* переводом с одной картины мира на другую, соответствующую замыслам и целям инициатора или бенефициара (Романов, 2002; 2004; Романов, Малышева, 2015; 2016; 2017; см. также: Григорьев, 2008; Зелинский, 2008; Кастельс, 2016; Литвиненко, 2000; Матвиенко, 2008; Почепцов, 1999; 2015; Прохожев, Турко, 1996; Прокофьев, 2003; Рашкофф, 2003; Севрюгин, 1996; Сол, 2007; Fitzgerald, 1994; Gen Gordan, 1994; Stein web).

В результате получается, что информационно-психологическое противоборство ставит своей целью перепрограммировать имеющуюся у противоположной стороны систему публичных коммуникаций (коммуникативных сетей), которая будет формировать иную символическую среду для манипуляций образами и обработки информации в ментальном пространстве людей как объектов такого воздействия, чтобы создавать и прививать новое содержание и новые формы в сетевых информационных пространствах, которые связывают ментальную сферу людей (их сознание) и их коммуникативную среду, а это, по мнению М. Кастельса (2016: 449-450), – «равносильно переоснащению нашего разума», когда «человек начинает чувствовать / думать по-другому, овладевать новыми значениями и новыми правилами для придания смысла этим значениям». В конечном итоге, человек начинает действовать иначе: он начинает направлять свои усилия на трансформацию «способа, с помощью которого действует его общество», чтобы привести к разрушению существующего порядка и «привитию (имплантированию) в нем новых (чуждых, инокультурных) ценностей и интересов» (Романов, 2015а; 2016; 2016а; 2016в; 2017а; 2017б; Романов, Романова, 2015а; 2017).

По этой причине не могут не заслуживать пристального внимания и изучения *консциентально направленные коммуникативные технологии и механизмы*, которые способны эффективно формировать и преобразовывать имеющуюся (т.е. существующую) в период консциентального воздействия (вторжения) на чужое территориально-информационное пространство среду или систему публичных коммуникативных практик, так как эти практики посредством подготовленных проводников или групп влияния вызывают (каузируют, причиняют) последствия, крайне важные для характера социальных изменений и потрясений в обществе. Однако, *чем интенсивнее* консциентальное воздействие информационных атак (вбросов, интервенций, шумов), пропущенных через манипулятивные механизмы «веерного сдвига дискурсивных окон» (Романов, 2016; 2017; 2017а; 2017б; Romanov, Romanova, 2017) и позволяющих не только фокусировать «эти окна в определенном значении», в терминологии К. Пайка (1992: 14, 19), но и осуществлять в общественном сознании смену «рамки допустимого» и «возможного» в пределах создаваемой дискурсивной реальности с целью продвижения в массовое сознание необычных, немислимых идей (Морозова, Романова, Мосина, 2014; Романов, 2002; 2004; 2015; Романов, Малышева, 2015; Романова, Малышева, Новоселова, 2014; 2014а), *тем выше* возможности введения в дискурсивный оборот сообщений и посланий, стимулирующих доминирование в новых коммуникативных сетях продвигаемых бенефициаром новых (чуждых, заимствованных) ценностей, интересов, установок и паттернов поведения, создавая более широкий контекст уничижительного отношения, беспощадной критики и недоверия к бытующим в социуме принятым общекультурным ценностям, нормам, устоям и традициям.

Примечательно, что чаще всего такие сообщения и послания строятся продуцентом («режиссером», бенефициаром, инициатором) по определенным заранее установленным и «срежиссированным» сюжетам с конкретными целями, задачами, умыслами и экспонируются в

коммуникативных сетевых практиках текстами, гипертекстами, мелодийными песенными посланиями, имиджевыми показателями, лозунговыми слоганами, изображениями, словами - концептами, короткими sms, клипами, видеофильмами, *способных* затрагивать чувствительные струны отдельных индивидов, социальных групп или общества в целом (см.: Романов, 1995; 1996; 2002; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Ходырев, 1998; Романов, Ульянич, 2014; Романов, Черепанова, 1998), так как, по словам Г.М. Маклюэна (2004: 342), «средства коммуникации, изменяя среду, вызывают в нас необычайные соотношения чувственных восприятий. Расширение любого чувства **изменяет образ** нашего **мышления** и деятельности – нашего **восприятия** мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди».

Становится очевидным, что уже распространение «срежиссированных» информационно-коммуникативных посланий *прагматически* обусловлено тем, что такие послания строятся бенефициаром-продуцентом в едином информационном пространстве с противоборствующей стороной по определенным, заранее установленным сюжетам, точным «национальным лекалам», в трактовке Р. Харре, и фреймовым конфигурациям, коррелирующим с «языком ментальных репрезентаций» индивида, в духе Дж. Лакоффа, М. Минского, Дж. Катца, с конкретным умыслом, с «вирусным» смыслом и с запланированным результирующим эффектом, чтобы реализовать свою конечную цель – *достичь и поразить сознание* противника (о «режиссерской» практике постановок политических событий см.: Бейнхарт, 2004). Технологические контуры достижения запланированного результирующего эффекта достаточно точно описаны метафорическим языком во втором веке нашей эры Лукианом из Самосаты, отмечавшим уязвимость души человеческой перед словесным воздействием: «*Душа человека, одаренного природными качествами, похожа на мягкую мишень. В жизни встречаются много стрелков с колчанами, полными разнообразных и всевозможных речей, но не все они одинаково метко*

стреляют; одни из стрелков слишком натягивает тетиву, и поэтому стрела летит с излишней силой – направление они берут верно, *но стрела не остаётся в мишени*, а в силу движения проходит насквозь и *оставляет душу только с зияющей раной*. Другие поступают как раз наоборот: вследствие недостатка силы и напряжения их стрелы не достигают цели и часто бессильно падают на полпути, а если и долетают, то *слегка ранят душу*, но не *наноса глубокого удара*, так как им вначале не было сообщено достаточно силы.

Хороший же стрелок прежде всего *основательно осмотрит* мишень, не слишком ли она мягка или не слишком ли тверда для одной стрелы, – так как есть мишени, которые нельзя пробить. Посмотрев это, он *смазывает стрелу*, но не ядом, как скифы, и не соком смоковницы, как куреты, а *постепенно проникающим сладким лекарством* и после этого *искусно* стреляет. Стрела летит с силой и *пробивает мишень* настолько, чтобы из неё не вылететь, и *выпускает большое количество лекарства*, которое, растекаясь, *проникает в душу* (Лукиан, 1991: 101; см. также: Романов, 2002: 67- 68; *п/ж* курсив – наш).

В приведенном отрывке можно усмотреть, что ещё задолго до появления современных теорий ведения информационных войн Лукиан из Самосаты уже проводил, выражаясь современным языком, разграничение между бытующими ныне понятиями «*пропаганда*», ориентированной на массовое сознание, и «*информационные операции*», планируемые с учетом отдельных и конкретных оперативных задач, например, заблокировать встречу политических лидеров или обострить обстановку в каком-либо районе мира. Предложенный выше отрывок показывает также и глубину понимания Лукианом четкой разницы между современными понятиями «*пропаганда*», воздействие которой может продолжаться довольно длительное время, – ср.: «хороший стрелок *смазывает стрелу*, но не ядом, как скифы, и не соком смоковницы, как куреты, а *постепенно проникающим сладким лекарством* и после этого *искусно* стреляет. Стрела летит с силой и

пробивает мишень настолько, чтобы из неё не вылететь, и выпускает большое количество лекарства, которое, растекаясь, проникает в душу») – и **«информационная операция»**, осуществление которой в процессе концентрированного влияния ограничено конкретными временными рамками – ср.: «одни из стрелков *слишком натягивает тетиву*, и поэтому *стрела летит с излишней силой* – направление они берут верно, но *стрела не остаётся в мишени*, а в силу движения *проходит насквозь* и *оставляет душу только с зияющей раной*. Другие поступают как раз наоборот: вследствие недостатка силы и напряжения *их стрелы не достигают цели* и часто *бессильно падают на полпути*, а если и *долетают*, то *слегка ранят душу*, но не *наносят глубокого удара*, так как им вначале не было сообщено достаточно силы»).

И, безусловно, нельзя пройти здесь мимо соблазна увидеть или просто предположить, что, описывая специфику концентрированного воздействия на «душу-мишень», Лукиан стремился раскрыть целевую (прагматическую) специфику способа поражения такой мишени, выделяя и противопоставляя друг другу две **парадигмы** ведения атакующих действий: парадигму **«жёсткого типа воздействия / влияния»**, направленную на тотальное поражение противника (ср.: «одни из стрелков *слишком натягивает тетиву*, и поэтому *стрела летит с излишней силой* – направление они берут верно, но стрела не остаётся в мишени, а в силу движения проходит насквозь и *оставляет душу только с зияющей раной»*) и парадигму **мягкого типа воздействия / влияния**, не тотального уничтожения мишени, а превращение её в свой рабочий ресурс (о разграничении типов «жесткого и мягкого кодирования» также см.: Романов, Черепанова, 1998; 1999), ср.: «Хороший же стрелок прежде всего *основательно* осмотрит мишень, не слишком ли она мягка или не слишком ли тверда для одной стрелы, – так как есть мишени, *которые нельзя пробить*. Посмотрев это, он смазывает стрелу, но *не ядом*, как скифы, и *не соком смоковницы*, как куреты, а *постепенно проникающим сладким лекарством* и после этого *искусно стреляет*. Стрела *летит с силой*

и пробивает мишень настолько, чтобы из неё не вылететь, и выпускает большое количество лекарства, которое, растекаясь, проникает в душу».

Кстати сказать, в трактовке Лукиана можно отчетливо проследить наличие ещё одной – *третьей* – парадигмы, которую следовало бы условно назвать «*гибридной*» *парадигмой* ведения атакующих сознание действий, сочетающей в себе технологические свойства воздействия обеих поименованных выше парадигм, если исходить из чередования *жесткого* и *мягкого* или *гибкого* типов воздействия, опирающихся на разработанную и принятую стратегию, отвечающую на вопрос *что* и *как* нужно делать «стрелку-лучнику» с поступающей информацией о результатах концентрированного воздействия, т.е. успешного или неуспешного, «парализующего попадания в мишень». На примере результирующей эффективности воздействия «стрел-речей» Лукиан показывает, что в концентрированном воздействии на противника изменение (т.е. преобразование, переформатирование) его «души - мишени» или в современной трактовке – «картины мира человека» – может происходить, как минимум, *двумя* путями: **а) путем освобождения**, т.е. жесткого и категоричного – вплоть до силового – использования всех *имеющихся в деле* (т.е. всех задействованных в конкретной кампании, операции или «войне») ресурсов воздействующей стороны (ср.: «одни из стрелков *слишком натягивает тетиву*, и поэтому *стрела летит с излишней силой* – направление они берут верно, **но стрела не остаётся в мишени**, а в силу движения *проходит насквозь и оставляет душу только с зияющей раной*») или **б) путем активации** потенциального ресурса воздействующей стороны (т.е. выбора наиболее возможного – гибкого, эффективного – средства из числа имеющихся в наличии средства) в строго определенном контексте действий или согласно принятой стратегии воздействия на противника. Сравните: «Хороший же стрелок прежде всего» осмотрит мишень, оценит её свойства и качества («*не слишком ли она мягка или не слишком ли тверда для одной стрелы*»), и только затем в соответствии с оценкой выбирает средство

воздействия, стреляет и сравнивает свой результат с программными действиями стратегии.

Примеры такого «гибридного» (комплексного) применения различных – от информационно-пропагандистских или «мягких» / «гибких» до «жестких» / «силовых» – средств концентрированного воздействия проявляются со всей очевидностью в глобальном противостоянии «мы vs они» или «свои vs чужие» на любом уровне современного противодействия различных противоборствующих систем как внутри одной страны (например, на Украине, в Сирии, Йемене, Ливии, где применяются и жесткое, силовое воздействие с применением различных систем летального оружия и мягкое, гибкое коммуникативно-информационное воздействие), так и между государствами, например, между Россией и США, между странами Евросюза и Россия, между Китаем и Японией и т.д., где в большей степени применяется мягкое, информационно-вербальное воздействие.

По существующим на сегодня в мире подходам к ведению информационных или «гибридных» войн используемое Лукианом разграничение «жесткого» и «мягкого» воздействия для нанесения урона противнику вполне может соответствовать понятиям *«мягкая сила»* влияния (“soft power”) в смысле «концепция, инструмент, ресурс», но нередко трактуемая в прагматическом смысле как «тихое убийство («Soft Kill», см., например: Black, 1993) и *«жесткая сила»* влияния (“hard power”) со значением «военный, жесткий, силовой, технологический, экономический» в информационно - пропагандистских дуэлях между противоборствующими сторонами. В этом контексте представляется важным подчеркнуть роль информационно-вербальной составляющей или **языкового ресурса** у *«стрелков с «колчанами, полными разнообразных и всевозможных речей»*), который признается Лукианом в качестве одного из наиболее важных компонентов инструментального воздействия концентрированного типа, именуемого в современных работах по информационным войнам в качестве технологии «мягкого воздействия / влияния» с «парализующим эффектом». К

этому стоит добавить, что автор приведенного текста эксплицитно указывает на комплексный характер воздействия такого консциентального типа, в котором возможно применение различных – вербальных (язык, культура, литература, кино, СМИ) и авербальных – средств и технологий.

Но представляется еще более важным отметить, что содержание приведенного отрывка текста из Лукиана позволяет проследить (и даже наметить, выделить) программу *поэтанного* (1–5) порождения и достижения результирующего эффекта воздействия на консциентальную сферу мишени («душу») в человеке путем применения атакующих «стрел-речей». К такому можно отнести следующие этапы:

- 1) выбор объекта («мишени») поражения или воздействия («душа»),
- 2) отбор проблемы и стратегия её решения (поражение, захват «души-мишени»),
- 3) подготовительный этап (сбор, наполнение и стратегическая оценка «колчанов», наполненных разнообразным множеством всевозможных и разнообразных «стрел-речей»),
- 4) построение сценария решения проблемы (выбор конкретных и пригодных для решения проблемы разновидностей поражения «души-мишени» с эффектами, позволяющими осуществить делегитимацию действий по реализации сценария),
- 5) манипулирование средствами воздействия (применение арсенала «разнообразных стрел» для достижения успешного, запланированного результата обстрела «души-мишени»).

Особо обращает на себя внимание тот факт, что Лукиан показывает возможности *вариативного использования обозначенных парадигм* консциентального воздействия, как бы призывая тем самым к реализации – возможной или необходимой, в зависимости от стратегической цели воздействия – *смены* (чередованию) *парадигм* ведения атакующих действий. В частности, вместо *парадигмы борьбы, направленной на действия по уничтожению противника*, он предлагает более эффективную в

определенном контексте (или сценарии, ср. выше этап 4 программного порождения и достижения результирующего эффекта) **парадигму действий** по *«захвату его души»* и *сохранения противнику жизненного ресурса*, что, вероятнее всего, позволяет добиваться большего результирующего эффекта и, например, использовать в дальнейшем продуктивную деятельность противника в своих целях. Представляется, что в стратегическом плане при рекомендованном в тексте использовании «колчанов, полных разнообразных и всевозможных речей», наиболее выигрышной выглядит вторая парадигма.

Другими словами, в современных условиях использование второй парадигмы с точки зрения экономических (то есть малозатратных) выгод будет в наибольшей степени оправдано и целесообразно, если до начала её реализации атакующая сторона заранее подготовит (соберет, сформирует, стратегически оценит) компрометирующий противостоящую сторону материал (*«колчаны, полные стрел»*), а затем запустит его – в целом виде или порционно (т.е. либо по «одной стреле», либо *«колчанами, полных стрел»* – в массивированные потоки информационно-пропагандистских операций или кампаний для осуществления психологического воздействия, чередуя, по совету Лукиана, разнообразное распространение в глобальной инфосфере массивов информационных атак с использованием информационных «шумов», «волн», вбросов, PR-акций и других мероприятий.

В свете сказанного становится понятно, что функциональное предназначение «консциентального оружия» в виде воздействующих (атакующих, поражающих, деструктивных) и «срежиссированных» (вбрасываемых) информационно-коммуникативных посланий и сообщений сводится сегодня к тому, чтобы

– **а)** поражать массовое сознание противоборствующей стороны, приводя её к принятию решений, наносящих себе непоправимый ресурсный ущерб,

– **б)** получать тотальное и доминантное преимущество в материальной и коммуникативно-информационной сферах,

– в) перепрограммировать существующую коммуникативно-информационную и общественную систему противника, то есть, согласно С.П. Расторгуеву (1999: 89-93), «найти или специально создать для неё в окружающем мире такую модель, на которую данная система должна стать похожей».

Не вызывает сомнений, что основной «мишенью» информационных атак является существующая к моменту интенсивного медийного воздействия *коммуникативно-информационная система* противника, захват и поражение которой открывает прямой путь к массовому сознанию противоборствующей стороны и в конечном итоге к использованию её различных ресурсов – от репутационного капитала до природных богатств. В этом плане существенная, можно даже сказать, определяющая роль отводится коммуникативно-информационному компоненту противника (т.е. его коммуникативно-информационной системе) в силу того, что любое современное сообщество есть организованная социосистема, которая опирается, как минимум, **на три** базовые составляющие или компоненты: **коммуникативно-информационную, политическую и экономическую** (см.: Алексеев, Алексеева, 2016; Кастельс, 2000; 2004; 2016; Люттвак, 2012; Маклюэн, 2003; 2004; Почепцов, 1999; 2015; Расторгуев, 1999; Романов, 2002; Санстейн, 2016; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; Black, 1993).

Ведущая роль коммуникативно-информационного компонента в структуре общества обуславливается его опорой на реляционные свойства и «регулятивную сущность своих посланий, сообщений» (Романов, 1988) в виде конструкторов-паттернов, которые, по мнению И.А. Бесковой (Бескова и др., 2010: 266-267), «не могут быть просто измерены или взвешены», но «они должны быть обозначены, вычерчены» и организованы». Организационные свойства таких структур, относящихся к регулятивному пространству серийно повторяющихся коммуникативных посланий-паттернов, осуществляет, в терминологии А. Эйнштейна, «организующий элемент», который «становится инструментом, концепцией», т.е. «определяющим

элементом “мышления”», который в теории программирующего воздействия именуется «паттерном» (см.: Дилтс, 1998: 52-54).

Любое «закодированное сообщение», считает Н. Винер, представляет собой, по сути, «паттерн организации», который, по мнению Ф. Капра (Капра, 2003), есть «конфигурация взаимоотношений, характерных для определенной системы». И «понимание жизни с системной точки зрения начинается с понимания паттерна». А если учесть, что человек – это такая же организованная система, то становится понятной реляционная значимость «базовости ядерной информации» по отношению к структуре общества, с учетом которой она выстроена. В этом контексте Дж. Аркилла отмечает, что при смене «базы» неизбежно следствие в виде «смены структурной надстройки общества», и утверждает, что все «интенсивные трансформации социосистем – от бархатных и цветных революций и их иранского прообраза в 1953 году» до военных конфликтов на Ближнем Востоке последних лет – базируются на «интенсивном воздействии» (интервенционных атаках) именно в это «ядро», т.е. направлены на информационно-конституирующий компонент системы общества, чтобы её расшатать, трансформировать и изменить. Результаты такой трансформации ведут к преобразованию политического и экономического компонентов общества (Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; 2001), направленных на перепрограммирование, условно говоря, «человека национального» в «человека глобального» со всеми последствиями.

Ещё категоричнее высказывается по этому поводу Мануэль Кастельс: «Власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией, будь то макровласть государства и медиакорпораций или микровласть организации любого рода. **Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть.** ... Но власть полагается на контроль за коммуникацией, тогда как контрвласть зависит от прорыва этого контроля. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в

медиабизнесе и политике государства. **Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества. ...**

Чем более независимы коммуницирующие субъекты по отношению к контроллерам социетальных узлов коммуникации, тем выше шансы на введение сообщений, стимулирующих доминирующие в коммуникационных сетях ценности и интересы. Именно поэтому рост массовой самокоммуникации ... *открывает новые благоприятные возможности для социальных перемен в обществе, которое организовано вокруг метасети электронных коммуникационных сетей во всех сферах деятельности.* Если фундаментальная **битва** за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни **происходят** вокруг **формирования человеческого сознания**, то **коммуникация является эпицентром этой битвы**» (Кастельс, 2016: 19-20; подчеркивание и *п/ж курсив* – наш).

Очевидно, что «**в эпицентре битвы**» за новое определение или расширение и размывание различных норм в обществе и за «применение этих норм в повседневной жизни» **находятся коммуникативные механизмы** по «формированию» или – в контексте данной работы – по переформатированию человеческого сознания, которые, по мнению М. Кастельса (2016: 134-136), должны обеспечиваться «**процессом манипуляции ментальными образами**», чтобы массового адресата можно было «**привести к принятию решений, детерминирующих эти процесс**». При этом важно иметь в виду, что, как утверждает Кастельс, «коммуникация осуществляется путем активации сознаний в процессе передачи смысла», где, «сознание – это процесс создания и манипулирования ментальными образами (визуальными или невизуальными) в мозгу», то есть в концентриальной сфере человека.

Коммуникативно-манипулятивные технологии, – в частности, уже упомянутые выше технологии «принятия решений», технологии работы с «ментальными репрезентациями», «фреймами», «представлениями», «фреймовыми конфигурациями», – хорошо известны в области политических

технологий и не требуют дополнительных разъяснений (см., например, публикации авторов настоящей статьи). Тем не менее, целесообразно при этом вновь обратить внимание на слова М. Кастельса (2016: 134-136) о роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информативного воздействия. «Ментальные репрезентации (представления) – пишет он – являются *рычагами деятельности сознания* на основе объединения эмоций, чувств и умозаключений, которые *определяют направление* нашей жизни. Нам *необходимо понимать этот механизм*, чтобы иметь возможность определить, что именно имеется в виду, когда речь идет об эмоциональной политике, или когда я говорю о намерении сделать что-либо, что, как я считаю, мне нравится делать. Эмоции, чувства и умозаключения – все они возникают в тех же нейронных процессах взаимодействия между телом и мозгом и следуют тем же правилам ассоциации и многоуровневой репрезентации, которые характеризуют динамику сознания».

О реализации стратегической специфики консциентального спин-докторингового воздействия речь пойдет во второй статье.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, Алексеева, 2016 – *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Бейнхарт, 2004 – *Бейнхарт Л.* Американский герой: роман. Пер. с англ. СПб.: Амфора, 2004.

Бескова, Герасимова, Меркулов, 2010 – *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

Выготский, 1982 – *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1.

Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.

Григорьев, 2008 – *Григорьев В.Р.* Информационные вирусы – новое оружие массового поражения // Информационные войны. 2008. № 3 (7). С. 3–29.

Дилтс, 1998: 52-54 – *Дилтс Р.* Стратегии гениев. Т. 2. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.

Ершова, 2014 – *Ершова Т.В.* Информационная война и вечные ценности // Информационное общество. 2014. № 1. С. 3–4.

Зелинский, 2008 – *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб: ИТД «СКИФИЯ», 2008.

Каниман, 2013 – *Каниман Д.* Думай медленно... Решай быстро. Пер. с англ. М.: АСТ, 2013.

Капра, 2003 – *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003.

Караяни, 2003 – *Караяни А.Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. № 6. С. 46–54.

Кастельс, 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Кастельс, 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Кокошин, 2016 – *Кокошин А.А.* Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 5–19.

Круг, 2008 – *Круг С.* Веб-Дизайн или не заставляйте меня думать! М.: Символ-Плюс, 2008.

Лайнбарджер, 1962 – *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М.: Воениздат, 1962.

Литвиненко, 2000 – *Литвиненко А.В.* Специальные информационные операции и пропагандистские кампании. Киев: Высшая школа, 2000.

Лукиан, 1991: 101 – *Лукиан из Самосаты.* Избранная проза. Пер. с древнегреч. М., 1991.

Люттвак, 2012 – *Люттвак Э.Н.* Стратегия: Логика войны и мира. Пер. с англ. М.: Ун-т Д. Пожарского, 2012.

Маклюэн, 2004: 101 – *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц., «Кучково поле», 2003.

Маклюэн, 2004 – *Маклюэн М.* Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.

Матвиенко, 2008 – *Матвиенко Ю.А.* Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 3–9.

Морозова, Романова, Мосина, 2014 – *Морозова О.Н., Романова Л.А., Мосина Е.А.* Манипулятивная природа информационных войн в интернет-пространстве // Актуальнейшей проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Междунар. научн. семинар. Часть I. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. С. 84–89.

Основы web – *Основы психологической войны.* Пси-фактор // www.psyfactor.org/opsywar.html

Остапенко, 2006 – *Остапенко Г.А.* Информационные операции и атаки в социотехнических системах. М.: Издательский дом «Грааль», 2006.

Пайк, 1992 – *Пайк К.* Американская интонация: парадигматика и синтагматика // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 8–24.

Прокофьев, 2003 – *Прокофьев В.Ф.* Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. Издание 2-е, расширенное и доработанное. Серия «Информационные войны». М.: СИНТЕГ, 2003.

Прохожев, Турко, 1996 – *Прохожев А.А., Турко Н.И.* Основы информационной войны // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. М., 1996. С. 252–253.

Почепцов, 2000 – *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 2000.

Почепцов, 1999 – *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Основы военно-коммуника-тивных исследований. Ровно, 1999.

Почепцов, 2015 – *Почепцов Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.

Раскин, Пеляк, 2005 – *Раскин А., Пеляк В.* К вопросу о сетевой войне // Военная мысль. 2005. № 3. С. 21–27.

Раскин, 2015 – *Раскин А.В.* Некоторые философские аспекты информационной войны // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 18–21.

Расторгуев, 1999 – *Расторгуев С.П.* Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.

Рашкофф, 2003 – *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988.

Романов, 1988а – *Романов А.А.* Систематика регулятивных действий в диалогическом общении // Текст в речевой деятельности: Перевод, автоматическая обработка, лингвистический анализ. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988а. С. 95–106.

Романов, 1991 – *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в

коммуникации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1991. С. 82–100.

Романов, 1992 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1992. С. 55–76.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Говорящий лидер в деловом общении // Человек говорящий / Homo loquens: Язык. Познание. Культура / Сб. научн. трудов. Отв. ред. А.А. Романов. М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 1995. С. 56–70.

Романов, 1995а – *Романов А.А.* Прагматическая характеристика ролевых проявлений говорящего в диалоге // Лингвистики на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тез. докл. межд. конф. Том 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995а.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилиа, 1995.

Романов, 1996 – *Романов А.А.* Управленческая коммуникация. Тверь: ЦПП «Тверьэнерго», 1996.

Романов, 2002: 67-68 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 2002.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 2004. С. 3–26.

Романов, 2015 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда / / Language, Communication and Social Environment. Ежегодное международное издание. Вып. 13. Воронеж: Наука-

Юнипресс; Воронежский гос. ун-т, 2015. С. 88–119.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 2. С. 1–19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016а – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016а. № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016б – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. трудов XVI Международной научно-практической конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2016б. С. 221–227.

Романов, 2016в – *Романов А.А.* Регулятивная разновидность распространения «вирусной» информации в медиа-сфере // Агропродовольственный сектор экономики страны в условиях глобализации и интеграции. Сб. научн. трудов по материалам Международной научно-практической конф. 7–9 июня 2016 г. Тверь: ТГСХА; ЦН и ОТ, 2016в. С. 424–435.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Материалы Международн. научн. конф. Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2017. С. 81–83.

Романов, 2017а – *Романов А.А.* Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017а. № 1. С. 1–20. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2017б – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т,

2017б. С. 205–214.

Романов, Малышева, 2015 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме –5. Материалы международн. научн.й конф. М.: Канцлер, 2015. С. 225–226.

Романов, Малышева, 2016 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Научный ред. А.В. Рудакова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. Вып. 3. С. 166–169.

Романов, Малышева, Новоселова, 2014 – *Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В.* Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальной проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Междунар. научн. семинар. Часть I. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. С. 158–164.

Романов, Малышева, Новоселова, 2014а – *Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В.* Матричная технология в манипулятивной Интернет-коммуникации // Дискурс в современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. научн. - практ. конф. Сб. научн. работ. Белгород: Константа, 2014а. С.126–131.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2015. № 2. – С. 1-31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2015а. № 3. С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 1. С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. трудов Международн. научно-практич. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2015. С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015а. № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015б – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Медийный опрос как технологический приём спин-докторинговой манипуляции (на материале дискуссии опроса, проведенного 26 января 2014 года телеканалом «Дождь») // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015б. № 5. С. 19–41. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Новоселова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII-й Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научн. докладов. Симферополь: ООО «Форма», 2015. С. 284–287.

Романов, Романова, Новоселова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В.* Инфосфера как новая регулятивно-меметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II-ая Международная научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 81–96.

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – *Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г.* Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013.

Романов, Ульянич, 2014 – *Романов А.А., Ульянич Г.А.* Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2014.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Изд-во ГЕРС; ТГСХА, 1998.

Романов, Черепанова, 1999 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Суггестивный дискурс в библиотерапии. М.: Лилия ЛТД; ТГСХА, 1999.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А. Тайны рекламы. Тверь: ТГСХА, 1997.

Романова, 2007 – *Романова Л.А.* Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2007.

Романова, 2009 – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. М. Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2009.

Санстейн, 2016 – *Санстейн К.* Иллюзия выбора. Кто принимает решения за нас и почему это не всегда плохо. Пер. с англ. М.: ООО «Альпина Паблишер», 2016.

Севиригин, 1996 – *Севиригин В.И.* Специальные методы социально-психологического воздействия и влияния на людей. Челябинск: Обл. изд-во, 1996.

Серл, 2002 – *Серл Дж.* Открывая сознание заново. Пер с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.

Сёрль, 2004 – *Сёрль Дж.* Рациональность в действии. Пер с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Сол , 2007 – *Сол Дж.Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. Пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2007.

Стюгин web – *Стюгин М.* Информационная безопасность «по существу» // www.psyfactor.org

Тоффлер, 2010 – *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2010.

Тоффлер, Тоффлер, 2005 – *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. Пер. М.Б. Левина. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Эппле web – *Эппле Н.* Россия в виртуальной войне // www.vedomosti.ru/opinion/news/26265671/virtualnaya-vojna

References

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (1993) Cyberwar is Coming! // *Comparative Strategy* 12 (April-June), pp. 141–165.

Arquilla, J. (1994) The Strategic Implications of Information Dominance // *Strategic Review* 22, no. 3 (Summer), pp. 24–30.

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (2001) Emergence and influence of the Zapatista social netwar // Ronfeldt D., Arquilla J. (Eds.) *Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy*, Santa Monica, CA: RAND, pp. 171–199.

Alekseev, A.P., Alekseeva, I.Ju. (2016) Information war in the information

society // *Voprosy Filosofii*, № 11, pp. 5–14 (in Russian).

Bejnhart, L. (2004) *American hero*. SPb, Amfora, 2004 (in Russian).

Beskova, I., Gerasimova, I., Merkulov, I. (2010) *The phenomenon of consciousness*, M., Progress-Tradicija (in Russian).

Black, P. (1993) Soft Kill: Fighting Infrastructure Wars in the 21st Century // *Wired* (July-August), pp. 49–50.

Clarke, R., Knake, R. (2010) *Cyber war: The next threat to national security and what to do about it*, New York, Harper Collins Publishers.

Dilts, R. (1998) *Strategies for geniuses*, T. 2, Albert Einstein, M., Nezavisimaja firma «Klass» (in Russian).

E-fluentials. The power of online influencers (2017) // www.burson-marsteller.com/Practices_And_Specialties/AssetFile/E-Fluentials%20Brochure.pdf

Ershova, T. (2014) Information warfare and eternal values // *Information Society*, № 1, pp. 3–4 (in Russian).

Grigorev, V. (2008) Information viruses - new weapons of mass destruction // *Information warfare*, № 3 (7), pp. 3–29 (in Russian).

Fiske, J. (1991) Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) *Mass Media and Society*, London, Edward Arnold, pp. 55–67.

Fitzgerald, Mary C. (1994) Russian Views on Information Warfare // *Army* 44, no. 5 (May), pp. 57–59.

Fundamentals of psychological warfare. *Psi-factor* (2017) // www.psyfactor.org/opsywar.html (in Russian).

Gen Gordan, R., Sullivan and Col James M. Dubik. (1994) War in the Information Age // *Military Review* 74 (April), pp. 46–62.

Grincheva, N. (2013) *“Psychopower” of cultural diplomacy in the information age*, Los Angeles, USC Center for Public Diplomacy // uscpublicdiplomacy.org/publications/perspectives/CPDPerspectivesPaper3_2013_PsychoPower.pdf

Information Dominance Edges toward New Conflict Frontier (1994) // *Signal* 48 (August), pp. 37–39.

Jepple, N. *Russia in a virtual war* (2017) // www.vedomosti.ru/opinion/news/26265671/virtualnaya-vojna (in Russian).

Capra F. *The web of life. A new scientific understanding of living systems*. K., Sofia, Moscow, Publishing house "Sophia", 2003 (in Russian).

Kaniman, D. (2013) *Think slowly ... Decide quickly*, M., AST (in Russian).

Kastels, M. (2000) *The Information Age: Economics, Society and Culture*, M., GU-VShJe (in Russian).

Kastels, M. (2004) *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society*, Ekaterinburg, U-Faktorija (in Russian).

Kastels, M. (2016) *Power of communication*, M., Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki (in Russian).

Kokoshin, A. (2016) Several dimensions of war // *Voprosy Filosofii*, № 8, pp. 5–19 (in Russian).

Karajani, A. (2003) Rumors as a means of information-psychological counteraction // *Psychological journal*, № 6, pp. 46–54 (in Russian).

Krug, S. (2008) *Web Design or do not make me think!* M., Simvol-Pljus (in Russian).

Lajnbardzher, P. (1962) *Psychological warfare*, M., Voenizdat (in Russian).

Litvinenko, A. (2000) *Special information operations and propaganda campaigns*, Kiev, Vysshaja shkola (in Russian).

Ljuttvak, Je. (2012) *Strategy: The Logic of War and Peace*, M., Un-t D. Pozharskogo (in Russian).

Libicki, M. *What is information warfare?* Washington, D.C., National Defense Univ., (1996) // www.iwar.org.uk/iwar/resources/ndu/infowar/a003ch01.html

Libicki, M. (2007) *Conquest in cyberspace. National security and information warfare*, Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Lukian iz Samosaty, (1991) *Selected Prose*, M (in Russian).

Makljuven, G. (2003) *Media Understanding: External Human Expansions* M., Zhukovskij, «KANON-press-C., «Kuchkovo pole» (in Russian).

Makljuven, M. (2004) The tool itself is the content // *Information Society*, M., OOO «Izdatelstvo AST», pp. 341–349 (in Russian).

Matvienko, Ju. (2008) Informative-psychological war as one of the forms of resolving socio-political contradictions in modern society // *Information wars*, № 4 (8), pp. 3–9 (in Russian).

Morozova, O., Romanova, L., Mosina, E. (2014) Manipulative nature of information wars in the Internet space // *Actual problems of modern medialogistics and media criticism in Russia and abroad, Mezhdunar. nauchn. Seminar*, Chast I, Belgorod: NIU «BelGU», pp. 84–89 (in Russian).

Ostapenko, G. (2006) *Information operations and attacks in socio-technical systems*. M.: Izdatel'skij dom «Graal» (in Russian).

Pajk, K. (1992) American intonation: paradigmatics and syntagmatics // *Questions of linguistics*. № 1, pp. 8–24 (in Russian).

Pochepcov, G. (2000) *Psychological wars*, M., «Refl-buk», Kiev, «Vakler» (in Russian).

Pochepcov, G. (1999) *Informative war. The fundamentals of military-communicative research*, Rovno (in Russian).

Pochepcov, G. (2015) *Informative war, A new policy tool*, M., OOO «TD Algoritm» (in Russian).

Prohozhev, A., Turko, N. (1996) Bases of information war // *Analysis of systems on the threshold of the XXI century: theory and practice*, M, pp. 252–253 (in Russian).

Prokofev, V. (2003) *The secret weapon of information warfare: an attack on the subconscious. The series "Information Wars"*, M., SINTEG (in Russian).

Rashkoff, D. (2003) *The mediavirus. How Pop Culture Secretly Affects Your Consciousness*, M., Izdatelstvo, Ultra. Kultura (in Russian).

Raskin, A., Peljak, V. (2005) *On the issue of the network war* // *Military thought*, № 3, pp. 21–27 (in Russian).

Raskin, A. (2015) Some philosophical aspects of information war // *Informative wars*, № 3 (35), pp. 18–21 (in Russian).

Rastorguev, S. (1999) *Informative war*, M., Radio i svjaz (in Russian).

Romanov, A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., In-t jazykoznanija AN SSSR, Kalininskij SHI (in Russian).

Romanov, A. (1988a) Systematics of regulatory actions in dialogic communication // *Text in speech activity, Translation, automatic processing, linguistic analysis*, M., In-t jazykoznanija AN SSSR, Kalininskij SHI, pp. 95–106 (in Russian).

Romanov, A. (1991) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // *Text in communication*. M., In-t jazykoznanija AN SSSR, Kalininskij SHI, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. M.: In-t jazykoznanija AN SSSR, pp. 55–76.

Romanov, A. (1995) The speaking leader in business communication // *The person speaking / Homo loquens: Language. Cognition. Culture*, M., Tver: In-t jazykoznanija RAN, TGSHA, pp. 56–70 (in Russian).

Romanov, A. (1995a) Pragmatic characteristics of role-playing manifestations of the speaker in the dialogue // *Linguistics at the end of the twentieth century: Results and prospects*, Tom 2, M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta (in Russian).

Romanov, A. (1995) *Grammar of business conversations*, Tver, Familija

Romanov, A. (1996) *Management Communication*, Tver', CPP «Tver'jenergo» (in Russian).

Romanov, A. (2002) *Political linguistics: a functional approach*. Moskva–Tver, In-t jazykoznanija RAN, TGSHA (in Russian).

Romanov, A. (2004) Suggestive model of speech communication: Manipulation or play with meanings? // *Homo mendax / The man lying*. Moskva–Tver: In-t jazykoznanija RAN; TGSHA pp. 3–26 (in Russian).

Romanov, A. (2015) Spin-doctoring implementation of mental representations in Internet communication // *Language, Communication and Social*

Environment. Ezhegodnoe mezhdunarodnoe izdanie, Vyp. 13, Voronezh, Nauka-Junipress, Voronezhskij gos. un-t, pp. 88–119 (in Russian).

Romanov, A. (2016) The mechanism of propagation of "viral" ideas in the infosphere of regulative-memetic reality // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–19. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A. (2016a) "Window of discourse" as a regulatory mechanism for the dissemination and introduction of "viral" information: two approaches to the problem // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. P. 1–35. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A. (2016b) Beneficial meanings in the informative media sphere // *Intercultural communication: theory and practice. Sat. scientific. works of the 16th International Scientific and Practical. Conf. "Linguistic and cultural traditions and innovations"*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehn. un-ta, pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A. (2016v) Regulatory variety of distribution of "viral" information in the media sphere // *Agro-food sector of the country's economy in the context of globalization and integration. Sb. nauchn. trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf. 7–9 ijunja 2016 g., Tver, TGSHA, CN i OT*, pp. 424–435 (in Russian).

Romanov, A. (2017) Specificity of introducing "virus" information into the infosphere // *Explicit and implicit in language and speech. Materials International. scientific. Conf. Minsk (Belarus') 10-11 maja 2017 g., Minsk: Minskij gos. lingvist. un-t*, pp. 81–83 (in Russian).

Romanov, A. (2017a) The role of digital communication in the media space of the information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 1–20. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov A. (2017b) «The window of discourse» as a technology of changing the idea of reality // *The language discourse in social practice: materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf., Tver, Tver. gos. un-t*, pp. 205–214 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2015) Manipulative communication in the system of network "information wars" // *Life of language in culture and society -5*. Materialy mezhdunarodn. nauchn.j konf. M.: Kancler, pp. 225–226 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Political language in internet communication // *The V International Academic Congress "Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries" (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015)*, Papers and Commentaries, vol. II, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 152–158.

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Semantic manipulation as a form of network impact // *Psycholinguistics and lexicography: sb. nauchnyh trudov / Nauchnyj red. A.V. Rudakova, Voronezh: izd-vo «Istoki», Vyp. 3*, pp. 166–169 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E., Novoselova, O. (2014) Spin-doktoring implementation of the "principle of the causal sequence" of mental representations in the structure of the frame configuration // *Actual problems of modern medialogistics and media criticism in Russia and abroad*. Mezhdunar. nauchn. Seminar, Chast I, Belgorod, NIU «BelGU», pp. 158–164 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E., Novoselova, O. (2014a) Matrix technology in manipulative Internet communication // *Discourse in modern mass media in the perspective of theory, social practice and education*. I Mezhdunar. nauchn. - prakt. konf. Sb. nauchn. rabot, Belgorod, Konstanta, pp.126–131 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E., Romanova, L. (2017) Frame representation of verbal-tactile composite in English dialogue // *Language and Literature*, Issue 4 (2), vol. 26, pp. 647–653.

Romanov, A., Novoselova, O. (2014) Communicative space of the composite threat-performatives // *Journal of Language and Literature*, vol. 5, No.4, pp. 100–103.

Romanov, A., Romanova, L. (2012) Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a*

modern European education. Conference Proceedings, Oradea, EdituraI universității Emmanuel in Oradea (Romania), 2012, pp. 322–325.

Romanov, A., Romanova, L. (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. p. 1–31. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2015a) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. P. 1–16. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2016) Memetico-regulative reality as a psycholinguistic phenomenon // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 1–14. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2017) The vector orientation of the reformatting immersion in the discursive space of information attacks // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–32. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // *“Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017)*, Papers and Commentaries, Vol. VII, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 512–518.

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015) Narrative method of spin-doctoring communication with frame slots // *Language discourse in social practice: sb. nauchn. trudov Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf., Tver', Tversk. gos. un-t*, pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015a) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of*

linguistics and communication: electronic scientific journal. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015b) Media survey as a technological method of spin-doctoring manipulation (based on the discussion of a poll conducted on January 26, 2014 by the television channel Dozhd) // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 5. P. 19–41. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2015) Designing media meanings of information confrontation // *Functional linguistics: VII-th International Crimean Language Congress "Language and Peace"*, Jalta, 5-8 oktjabrja, 2015, Sb. nauchn. dokladov. Simferopol: OOO «Forma», pp. 284–287 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2015) Communicative Construct of the Composite Threatperformatives // *Procedia: Social and behavioral Sciences. XV International Conference "Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations"*, Issue 206, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia, pp.71–75.

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2016) Infosphere as a new regulatory-memetic "network territory" // *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education: II International Scientific and Practical. Conf. : Actual problems of modern medialogistics and media criticism in Russia and abroad*, Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU, pp. 81–96 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Fedoseeva, E. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, M.–Tver, In-t jazykoznanija RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanov, A., Uljanich, G. (2014) *Melolyonic discourse as an information medium in the public communications system*, M.–Tver, In-t jazykoznanija RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova, I. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*, Tver, Izd-vo GERS, TGSHA (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova, I. (1999) *Suggestive discourse in bibliotherapy*, M., Liliya LTD, TGSHA (in Russian).

Romanov A., Cherepanova I.J, Hodyrev A. (1997) *Secrets of advertising*, Tver, TGSHA (in Russian).

Romanova, L. (2007) *Constructive semantics of the cryptoclass of English adjectival sizes in diachrony and synchrony*, M.–Tver, In-t jazykoznanija RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanova, L. (2009) *Structural and semantic aspects of composite performatives in the functional paradigm of language*, M., Tver, In-t jazykoznanija RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Sanstejn, K. (2016) *The illusion of choice. Who makes decisions for us and why it is not always bad*, M., OOO «Al'pina Pablsher» (in Russian).

Sevrjugin, V. (1996) *Special methods of socio-psychological impact and influence on people*, Cheljabinsk, Obl. izd-vo (in Russian).

Serl, Dzh. (2002) *Reinventing consciousness*, M., Ideja-Press (in Russian).

Sjorl, Dzh. (2004) *Rationality in action*, M., Progress (in Russian).

Sol, Dzh. (2007) *Basterds of Voltaire. The dictatorship of reason in the West.*, M., AST, Astrel (in Russian).

Stein, G. *Information warfare* (2017) // www.war.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.html

Stjugin, M. *Information security "in essence"* (2017) // www.psyfactor.org

Taylor, Ph. *Mind Games. A brief history of information warfare* (2010) // October 7, 2010.

Toffler, Je. (2010) *The Third Wave*, M., OOO «Firma «Izdatelstvo AST» (in Russian).

Toffler, Je., Toffler, H. (2005) *War and anti-war: What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the twenty-first century*, M., ACT, Tranzitkniga (in Russian).

Vygotskij, L. (1982) Instrumental method in psychology // *Collected works*: in 6 volumes, T. 1, Questions of theory and history of psychology, M., Pedagogika, pp. 103–108 (in Russian).

Zelinskij, S. (2008) *Informative-psychological impact on mass consciousness*, SPb, ITD «SKIFIJa» (in Russian).